

Axel von Freytagh-Loringhoven: Baltic Baron – Yaroslavl Professor – Pan-German Deputy

A. A. Turygin¹

¹Kostroma State University, Kostroma, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-3-368-381

Research article
Full text in Russian

The article examines the biography of one of the prominent representatives of the Russian and German intelligentsia, A. von Freytagh-Loringhoven, who was directly related to the Demidov Law Lyceum, where he taught law for a semester in the period from 1910 to 1911. The article contains valuable facts from the baron's biography, previously unpublished in Russian historiography, based on his correspondence with the historian Otto von Sethe.

Keywords: Russian Empire; German Empire; Baltic nobility; First World War; revolution; Weimar Republic; Pan-German Union

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Turygin, Alexander A.	E-mail: aturigin@mail.ru
	Cand. Sc. (History), Associate Professor

Аксель фон Фрайтаг-Лорингховен: остзейский барон – ярославский профессор – пангерманский депутат

А. А. Турыгин¹

¹Костромской государственный университет, Кострома, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-3-368-381

Научная статья

УДК 929.7; 94(47)

Полный текст на русском языке

В статье рассмотрена биография одного из представителей российской и немецкой интеллигенции, барона А. фон Фрайтаг-Лорингховена, имевшего непосредственное отношение к Демидовскому юридическому лицу, в котором он преподавал право в течение семестра в период с 1910 по 1911 г. Статья содержит ранее не опубликованные факты биографии барона, основанные на его переписке с историком Отто фон Зете.

Ключевые слова: Российская империя; Германская империя; остзейское дворянство; Первая мировая война; революция; Веймарская республика; Пангерманский союз

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Турыгин, Александр Александрович

Е-mail: aturigin@mail.ru

Кандидат исторических наук, доцент

Немецкий философ Вильгельм Дильтей подчёркивал, что для осознания прошлого историк должен полагаться не только на документы и факты, но и на интуицию. В. Дильтей считал, что каждый исторический персонаж – не просто фигура на страницах учебников, а личность с внутренней мотивацией и переживаниями [1, с. 274]. Для историка важно не только знать, что произошло, но и пытаться понять, почему это произошло, какие чувства и мысли могли руководить человеком в тот или иной момент, каким был его жизненный мир. Между автором и героем повествования, по мнению В. Дильтея, всегда есть внутренняя интуитивная связь, которая выражается через эмпатию и способность к сопереживанию, что создаёт тем самым более полное и многогранное представление о прошлом [2, с. 135–152].

Российскому читателю биография А. фон Фрайтаг-Лорингховена едва ли известна, если не принимать во внимание эпизодические упоминания

© ЯрГУ, 2025

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

о нём, в основном в цитатах, а также в переведённой на русский язык специальной литературе по немецкой истории [3, с. 10, 22, 87; 4, с. 130; 5, с. 90–91; 6, с. 134, 142, 235–236]. Между тем доступны прижизненные издания трудов А. фон Фрайтаг-Лорингховена на русском языке, не содержащие биографических сведений [7–10]. В этой связи попытка написания биографии А. фон Фрайтаг-Лорингховена кажется весьма любопытной, поскольку его жизненный мир, который по В. Дильтею требовал особого интуитивного понимания, формировался одинаково под влиянием как русской, так и немецкой культуры.

Древний род Фрайтагов принадлежал к вестфальской знати; первое упоминание о нем относилось к 1198 г., и, как это часто бывало у литераторов, воспевавших романтику средневековья, не в связи с героическими свершениями, а применительно к описи имущества и актам хозяйственной документации. Среди них преобладали договоры дарения личного имущества церквям и монастырям, по поводу которых потомок средневековых рыцарей саркастически заметил, что «старые господа, должно быть, совершили немало постыдных дел и имели очень нечистую совесть» [11, с. 1]. В XIII и XIV веках род впервые уминается в Прибалтике, которая в то время называлась Ливонией. О знатности и могуществе балтийской ветви Фрайтагов говорит спектр занимаемых её представителями высоких военных и гражданских должностей, как, например, должность великого магистра Ливонского ордена, которая в 1483–1494 гг. принадлежала Иоганну Фрайтагу. Он был первым, кто добавил к названию рода имя и герб своего отца Лорингховена, родом из Вестфалии. В XVI веке семья утратила часть вестфальских владений, включая отошедший графам Квадтам, а затем графам фон Вестерхольтам замок *Löringhoff*, расположенный недалеко от Реклингхаузена. Однако к тому времени род Фрайтаг-Лорингховен уже владел многочисленными поместьями в Ливонии, и утрата родового замка не стала слишком обременительной. После присоединения ливонских земель к России род присягнул российскому монарху, сохранив почести и наследственные владения, несколько расширив их в результате разделов Польши и возвращения части земель бывшего Великого княжества Литовского. С тех пор Фрайтаг-Лорингховены состояли на российской службе, административной и дипломатической. Одним из самых известных представителей рода в России стал дипломат и действительный статский советник Карл Готтлоб (Карл Андреевич) фон Фрайтаг-Лорингховен, которому в 1878 г. именным указом было позволено пользоваться в империи баронским титулом (включая нисходящее потомство). Он приходился родным дядей Леону Карлу Фридриху фон Фрайтаг-Лорингховену (1851–1920), который был отцом Александра (Акселя) Августа Густава Иоганна фон Фрайтаг-Лорингховена (1878–1942).

Поскольку А. фон Фрайтаг-Лорингховен не входил в число нисходящего потомства Карла Готтлоба, то за ним, как и за остальными Фрайтаг-Лорингховенами в Российской империи, оставались преимущества немецкой титулатуры: «фрайгерр» – для мужчин и «фрайин» – для незамужних женщин. Использование в имени немецкого баронского титула «фрайгерр» вместо вежливого обращения «герр» подчёркивало принадлежность к дворянству (для остальных титулов были приняты иные формулы обращения, как «Ваша Светлость», «Ваше Сиятельство» и пр.). Вместе с тем титул «фрайгерр», например, в отличие от общеевропейского баронского титула, означал, что монарх признавал уже имевшиеся аллодиальные владения рода, а не даровал их за службу. Такая практика признания привилегий возникла в России при Петре I после присоединения к империи прибалтийских земель с местным, в т. ч. немецким населением.

Александр [Александр Леонович] фон Фрайтаг-Лорингховен родился 1 декабря 1878 г. на самом большом острове Моонзундского архипелага – острове Эзель (нем. *Ösel*) – в Аренсбурге (эст. *Kuressaare*), в фамильном имении Пайомоис (эст. *Rajomois*) площадью 2,5 тысяч гектаров, которое в 1846 г. приобрёл его прадед, выкупивший часть земель бывшего Ливонского ордена. Не будучи старшим сыном и прямым наследником земельных владений своего отца, сын барона ещё в ранние годы предпочёл отойти от средневековой традиции произношения собственного имени, выбрав сокращённое имя «Аксель». После окончания гимназии в Аренсбурге А. фон Фрайтаг-Лорингховен поступил на юридический факультет Дерптского университета, который в связи с переименованием Дерпта в Юрьев в 1893 г. стал называться Юрьевским университетом. Не желая поступать на государственную службу, следуя примеру предков, он решил сделать академическую карьеру, занявшись научным изучением международного права.

Нежелание служить царю в своих воспоминаниях А. фон Фрайтаг-Лорингховен связал с недовольством политикой русификации остзейских губерний, усилившейся после воцарения Александра III. С целью интеграции народов империи на общих принципах национального единства, а также «в окончательном и прочном объединении Прибалтийского края с Россией» [12, с. 430] эта политика касалась в первую очередь использования русского языка в органах государственного управления, судах и учебных заведениях взамен ранее преобладавшего немецкого. В 1885–1890 гг. русский язык был введён как обязательный во всех остзейских школах и университетах. Политика русификации способствовала внутренней миграции и увеличению доли русского населения во всех прибалтийских губерниях.

В Дерптском университете (1897–1901) А. фон Фрайтаг-Лорингховен завёл друзей из числа остзейского поместного дворянства, «взгляды ко-

торых простирались дальше сарая и скота» [11, с. 15]. Это были молодые немцы, идентифицировавшие себя с рейхом и подверженные влиянию немецких националистических идей. Вероятно, заметил историк и современник О. Хётч, увлечение немецкой культурой и тесные связи с рейхом поддерживались территориальным соседством России с Германией [13, с. 349]. Одним из восторженных поклонников рейха был философ Герман фон Кайзерлинг, будущий зять Г. фон Бисмарка, увлекавшийся расистскими и антисемитскими идеями Х. С. Чемберлена [14, с. 29–31, 36]. Таких университетских друзей было немного, так как большинство немецких дворян, по словам самого А. фон Фрайтаг-Лорингховена, интересовалось только богатством и собственностью, не желая становиться в оппозицию российской монархии [11, с. 15].

Высокая степень лояльности к России со стороны остзейских немцев свидетельствует скорее о регионализме, чем о формировании националистических взглядов. Регионализм, который в случае с национальными меньшинствами часто путают с национализмом, по мнению Г. Люббе, имеет похожую экспансионистскую направленность, но только как движение (например, интеллектуальное), а «не как те или иные контингентные культурные и политические формы жизни»; он всегда возникает на фоне сопротивления «стандартизирующему политическому давлению» [15, с. 60]. Примечательно, что национальный дух эстляндцев пробудился именно в Германии, где под влиянием Просвещения сформировалось пастырское «гернгутское движение» (от названия немецкого г. Гернгут). Его последователи воспитывали у эстляндцев национальное чувство общности и самосознания [16, с. 73–74]. В соответствии с официальным нарративом, по словам современных эстонских специалистов, опыт общения с немецкими помещиками формировал у эстонцев и «вкус к демократии» [16, с. 79], который оказался гораздо эффективнее либеральных реформ второй половины XIX века. Развивая тезис о «вкусе к демократии», эстонские авторы, возможно, имели в виду то, что «из-за возросшей самоуверенности эстонцев и латышей» [11, с. 46], как отмечал А. фон Фрайтаг-Лорингховен, немецким помещикам нужно было научиться «понимать эстонский и латышский язык, чтобы общаться с прислугой» [11, с. 20].

Последовав примеру дяди, известного военного деятеля и публициста, генерала Гуго фон Фрайтаг-Лорингховена [17; 18], в качестве вольноопределившегося барон год отслужил в императорском 13-м Владимирском драгунском полку (1901–1902), в котором познакомился с генералом-инспектором кавалерии, великим князем Николаем Николаевичем. После службы и краткого путешествия по Германии из-за инцидента с дуэлью, закончившейся смертью одного остзейского помещика, А. фон Фрайтаг-Лорингховен был приговорён к двум годам тюрьмы в Двинске (нем. Dünaburg) [11, с. 33]. Однако провёл он в тюрьме около пяти месяцев,

выйдя на свободу в результате помилования, полученного с помощью связей отца. Вернувшись в Дерпт, чувствуя муки совести и осуждение со стороны местной знати, А. фон Фрайтаг-Лорингховен принял решение добровольцем отправиться на русско-японскую войну, однако не достиг линии фронта из-за воспаления лёгких и продолжительного лечения [11, с. 35–36]. После выздоровления он решил сосредоточиться на академической карьере и уволиться из вооружённых сил, что позднее избавило его от «серьёзного конфликта совести, в который погрузились другие офицеры запаса, когда разразилась мировая война» [11, с. 30].

Одновременно с написанием диссертации, примерно с 1905 г., А. фон Фрайтаг-Лорингховен стал проявлять интерес к политике [11, с. 39]. После подписания императором Манифеста об усовершенствовании государственного порядка он присоединился к «Октябристам», возглавив местное отделение партии в Дерпте. Несмотря на симпатии к конституционной монархии как наиболее приемлемой форме власти, о которой барон рассуждал в воспоминаниях [11, с. 54], вероятно, имел место иной мотив. «Союз 17 октября» объединил остзейских землевладельцев, опасавшихся подъёма прибалтийского национализма. Сам барон уделил особое внимание «возросшей самоуверенности эстонцев и латышей» [11, с. 46]. Поскольку их радикальное крыло образованной в 1905 г. Народной прогрессивной партии «требовало не просто конституции, а республики и экспроприации немецкой собственности» [11, с. 47], то «все потребовали военной защиты от Петербурга» [11, с. 48]. А. фон Фрайтаг-Лорингховену пришлось отложить диссертацию и оказать содействие карательному отряду барона В. Н. Ферзена, направленному из Кронштадта для подавления крестьянских волнений [19, с. 439–441].

На фоне угроз со стороны эстонцев и латышей немецкое меньшинство ещё больше сплотилось, почувствовав «немецкое единство» [11, с. 84]. Несмотря на участие российской армии в подавлении бунтов, немцев задела последовавшие уступки со стороны царского правительства. Они, по словам специалиста по России, историка О. Хётча, «привели к тому, что немецкий элемент в первых двух Думах вовсе не был представлен, в то время как депутаты-латыши в них были, причём по революционным выступлениям они затмили другие аналогичные группировки в обоих созывах парламента» [13, с. 350]. Результатом стало сплочение немцев во всевозможные ассоциации [11, с. 83], в которых стали прорастать семена будущего слияния с рейхом, который мог гарантировать немцам необходимую защиту. Ассоциации остзейских немцев создавались на местах, а также в Берлине. Из небольшого Комитета помощи немцам в России 1905 г. организация в 1908 г. стала называться Балтийским союзом, представлявшим интересы российских немцев в немецком рейхстаге [11, с. 54]. Остзейские

ассоциации немцев в годы мировой войны помогали немецким военнопленным (еда, лекарство, корреспонденция) [11, с. 89].

Защитив свою первую диссертацию о проблемах имущественного регулирования земельной собственности и став доктором права, А. фон Фрайтаг-Лорингховен занимался преподавательской деятельностью в Дерпте, Санкт-Петербурге и Ярославле (1908–1914). За годы жизни в Центральной России он внимательно следил за попытками проведения аграрных реформ, сблизившись с «человеком Столыпина» А. В. Кривошеиным. Интерес министра землеустройства и земледелия вызвали публикации А. фон Фрайтаг-Лорингховена в прессе о том, что «реальная цель, а именно создание консервативного фермерского класса, может быть достигнута только в том случае, если одновременно будет введён в действие новый закон о наследстве, защищающий [крестьян] от чрезмерной задолженности, а их хозяйства – от расчленения; эта цель предполагала особую проработку правового механизма наследования» [11, с. 189–190].

В воспоминаниях о краткосрочном пребывании в Ярославле, написанных спустя тридцать лет, А. фон Фрайтаг-Лорингховен попытался уйти от лирических зарисовок, выделив общее. Во-первых, приехав в Ярославль осенью 1910 г., барон охарактеризовал его как типичный провинциальный город с населением около 80000 человек. Его «архитектурный облик определялся главным образом многочисленными фискальными зданиями, выкрашенными в жёлтый цвет, с зелёными железными крышами, что стилистически напоминало очень упрощённый ампир» [11, с. 67]. Кроме «чудесной набережной», его взгляд привлекли окружённые садами дома местной знати, «которые, однако, находились в состоянии начинающегося, а в некоторых случаях уже и весьма затянувшегося упадка <...>. Это было следствием обнищания русского дворянства, начавшегося с освобождения крестьян в 1861 г. Компенсация за крестьянскую землю и труд выплачивалась государственными облигациями. Вместо того чтобы использовать их для реструктуризации экономики поместий, дворяне попросту потратили их, что привело к спаду как сельского хозяйства, так и уровня жизни населения <...>. И поскольку лишь небольшой процент землевладельцев мог жить за счёт доходов от своей собственности, остальные были вынуждены искать работу на государственной службе. Кроме того, обнищание дворян, особенно молодых, в ряде случаев приводило к их пролетаризации» [11, с. 67–68].

Во-вторых, будучи ординарным профессором в Демидовском юридическом лицее, барон отметил схожесть академических культур провинциальных немецких и российских вузов, где наблюдалось разделение профессорско-преподавательского состава на внутренние группы: «Одна группа состояла из пожилых людей, которые когда-то приехали сюда в надежде со временем перебраться в более престижный университет, но по каким-то

причинам оставшаяся, и другая группа, состоявшая из молодых людей, которые жили с той же надеждой» [11, с. 69]. Несмотря на то что встречались оригинальные преподаватели, «в целом, ни среди тех, ни среди других не нашлось личности, которая бы возвышалась над средним уровнем» [11, с. 69].

Отдельное внимание барон уделил характеристике ярославских студентов, которых он сравнил со студентами немецких провинциальных университетов. Вероятнее всего, это было связано с эффектом «немецкого профессора в провинции». Если в Дерпте или Петербурге публика была более искушённой, то в Ярославле лекции А. фон Фрайтаг-Лорингховена собирали большие аудитории, что не могло не льстить его самолюбию. Впрочем, не обошлось без инцидентов, которые можно объяснить вспыльчивым характером барона, известного «дуэлянта из Дерпта». Сам А. фон Фрайтаг-Лорингховен связал подъем революционной активности ярославских студентов с кончиной Льва Толстого в конце ноября 1910 г. Вероятнее всего, этому способствовало знакомство барона с поздним творчеством писателя и философа, критиковавшего власть и отрицавшего государственные и церковные институты ради свободы личности. По этому поводу Н. А. Бердяев заметил, что «революционный анархизм Бакунина бледнеет по сравнению с анархическим учением Толстого» [20, с. 139].

Инцидент со студентами случился во время экзамена, в связи с «завышенными требованиями» А. фон Фрайтаг-Лорингховена. Раздражение профессора вызвал факт нарушения студентами дисциплины: «Экзамен проводился в одной из лекционных аудиторий, где каждый студент мог свободно слушать каждого отвечавшего. Поскольку одновременно принимали сразу несколько экзаменов, то студенты стали часто переходить из одной залы в другую. Это делалось для того, чтобы ознакомиться с методами как можно большего числа экзаменаторов. Все было совершенно непринуждённо; студенты громко разговаривали между собой, хлопали дверями и т. д. Русские профессора, не придававшие этому особого значения, вероятно, просто терпели. Однако же я, со своей стороны, довольно резко огрызнулся на некоторых из тех нарушителей порядка. Студенты Ярославля с радостью воспользовались возможностью первыми в Российской империи последовать революционному порыву и занять лидирующие позиции в революционном движении. Сославшись на оскорбление, которое я им якобы нанёс, они объявили забастовку, ожидая, что другие университеты последуют этому примеру в ближайшие несколько дней. Конечно, всё это мне было очень неприятно, так как я не мог предсказать, как будут развиваться события. Кроме того, мне бы не хотелось в начале моей академической карьеры быть обвинённым в разжигании студенческих беспорядков» [11, с. 73–74]. Поскольку студенческий бунт всё же не приобрёл общероссийского значения, то после очной ставки и выяснения значений

сказанных слов в течение нескольких дней об инциденте забыли. А. фон Фрайтаг-Лорингховен был этому рад, но заметил, что уже тогда большинство преподавателей было обеспокоено и явно опасалось выступлений студентов, стремясь обрести их благосклонность [11, с. 74]. Уже через полгода пребывания в Ярославле А. фон Фрайтаг-Лорингховен получил приглашение на работу в Дерптский университет.

Начало мировой войны А. фон Фрайтаг-Лорингховен застал в Дерпте. Работа профессором позволила ему избежать мобилизации. Опасения за безопасность собственной семьи с трёхгодовалой дочерью из-за начавшейся антинемецкой агитации, сопровождавшейся запретом на использование немецкого языка, частной корреспонденции, закрытием немецких школ, газет и ссылкой недовольных немцев в Сибирь, вынудили А. фон Фрайтаг-Лорингховена тайно переправить дочь и жену Уллу, урождённую баронессу фон Путткамер, в Берлин через Швецию [11, с. 91]. Сам барон пожелал остаться, чтобы избежать экспроприации собственности и не лишить семью единственного источника дохода. После победы немцев под Танненбергом в конце августа 1914 г., как и другие остзейские немцы, барон начал надеяться на победу Германии и будущее воссоединение с рейхом [11, с. 89]. Однако такая возможность им была представлена только после отречения Николая II и начала немецкой оккупации Эстляндской губернии. В октябре 1917 г. в ходе Моонзундской операции немцы заняли родной для барона остров Эзель, как и весь архипелаг, а уже в феврале 1918 г. в ходе операции «Фаустшлаг» немцы высадились на материковой части губернии [21, с. 26–27]. После Брестского мира и выхода России из войны им пришлось вступить в конфликт с недавно провозглашённой Эстонской республикой, которую барон в своих воспоминаниях презрительно назвал одной из трёх прибалтийских «картофельных республик» [11, с. 2]. Девятимесячная немецкая оккупация Эстляндии продолжалась до конца ноября 1918 г., пока в соответствии с условиями Компьенского перемирия проигравшая войну Германия не была обязана вывести войска со всех занятых ею территорий.

К этому времени А. фон Фрайтаг-Лорингховен уже находился в Германии, с осени 1917 г. до конца лета 1918 г. он сотрудничал с немецким оккупационным режимом в Прибалтике («Обер-Ост»). Он писал: «Я осознал, что больше не хочу быть полезным России. К ужасу для своих соотечественников тогда я сформулировал эту точку зрения так: после войны все [немцы], кто мог, должны переехать в Германию. Те, кто не может сделать это лично, должны отправить туда своих детей. Те, кто не может уехать с детьми, должны воспитать своих детей бездельниками, чтобы они были бесполезны для России» [11, с. 190]. Отъезд в Германию стал возможным после того, как барон 16 июня 1917 г. покинул Петербург с новым заграничным паспортом и через Стокгольм прибыл в Берлин. Для тру-

доустройства и скорейшей натурализации в Германии по совету своего дяди, бывшего генерал-квартирмейстера при Большом Генштабе в годы войны Г. фон Фрайтаг-Лорингховена, барон принял решение вернуться в Прибалтику в должности юридического консультанта оккупационной немецкой власти.

В своих воспоминаниях о дяде Гуго барон оставил ценные сведения, которые способны дополнить портрет прусского генерала, фактически впервые воссозданный в отечественной историографии Л. В. Ланником во вступительной статье к переводу «Полководческого искусства» [22, с. 5–20]. «Мой дядя когда-то тоже приехал из Прибалтики, – отметил барон, – так как был рождён российским подданным. Его отец, двоюродный брат моего деда, много лет был генеральным консулом в Копенгагене и Данциге, женился на немке и, выйдя на пенсию, поселился в Веймаре. Таким образом, его дети выросли в Германии и говорили не на нашем прибалтийском диалекте, а на высоком немецком языке <...>. Я могу с уверенностью сказать, что он был прекрасным человеком, очень застенчивым и очень образованным, сильным по характеру и в то же время весьма и весьма милым. К сожалению, мой дядя не испытал настоящего удовлетворения от своей военной службы, хотя ещё до мировой войны он был награждён высшей военной наградой Пруссии – орденом *Pour le Mérite* («За заслуги»), пользуясь расположением императора, которого много раз сопровождал во время его путешествий. Причиной было то, что он плохо слышал с раннего возраста и почти оглох с возрастом. В разговоре это было едва заметно, поскольку он прекрасно умел читать по губам. Однако в обществе ему было трудно следить за ходом разговора. Это, естественно, мешало его военной карьере <...>. Так, например, когда он командовал гренадерским полком во Франкфурте-на-Одере, старший по званию офицер выставил его императору в шутливой манере: “Когда у вас есть такой офицер, как Фрайтаг, вы просто говорите громче!”» [11, с. 97–98].

Вернувшись в Берлин, барон А. фон Фрайтаг-Лорингховен сблизился с университетскими коллегами, юристами и историками, преимущественно из числа бывших остзейских немцев (Т. Шиман, О. фон Гирке, А. фон Гарнак, Д. Шефер). Через Д. Шефера он сблизился с Пангерманским союзом, членом которого стал в 1918 г. (работал в редакции пангерманской газеты *Deutsche Zeitung* [11, с. 116]). Поводом для объединения с пангерманцами стало общее неприятие революции и критика Веймарской республики. В статьях и опубликованных пангерманскими издательствами исследовательских работах А. фон Фрайтаг-Лорингховена барон чаще всего сравнивал русскую и немецкую революции, делая опасные прогнозы для Германии. Обстоятельства жизни автора в России, политические события, свидетелем которых он был, делали его весьма тенденциозные работы очень популярными, вплоть до того, что известный мюнхен-

ский издатель Ю. Ф. Леман, решив заработать на популярности барона, в письме 1919 г. отметил, что «только что прочитал чрезвычайно интересную историю русской революции Фрайтаг-Лорингховена. Он показал, что произойдёт и с нами, если правительство не примет меры. Его книгу, которая даёт нам понять грядущую страшную опасность, я взялся напечатать с максимально возможной скоростью. Я верю, что эта работа откроет глаза тысячам людей» [23, S. 166].

Речь шла об опубликованной в том же году в издательстве Ю. Ф. Лемана книге А. фон Фрайтаг-Лорингховен «История русской революции», посвящённой событиям в России 1905–1917 гг. [24]. «То, что произошло, – отмечал барон, – возникло из души толпы, из её стремлений, её потребностей, с механической логикой, лишённой всякого духа. Она не родила ни лидера, который повёл бы за собой к свету сомневающийся и истекающий кровью из самых глубоких ран народ, ни одного из тех великих преступников, которые с демонической силой утащили бы его в пропасть. Это была и есть обезличенная революция. Массы создали её, массы определили её курс» [24, S. 202]. Пока царь сомневался, а интеллигенция спорила, «массы ждали, пока не вырвались на свободу <...>. Ни Ленин, ни Троцкий не были их лидерами или их правителями. Они были лишь их выразителями и их волей. К власти пришли не Ленин и Троцкий, а сами массы, души которых всегда были наполнены анархическими инстинктами. Теперь, когда подчинявшая их государственная власть была уничтожена, у них появилась свобода действий <...>. И не вожди несли знамя революции, а кумиры, которых толпа создала по своему образу и подобию» [24, S. 206–207].

В книге о русской революции фактически были изложены опасения, которые барон представил не только как трагедию, но и предостережение перед анархией масс. Оно было связано с глубоким политическим и социально-экономическим кризисом послевоенной Германии, Ноябрьской революцией и последующим установлением Веймарской республики. К этому следует добавить опыт многочисленных попыток антиреспубликанских переворотов в первые годы Веймара.

Категорически отвергая республику, А. фон Фрайтаг-Лорингховен решил бороться с ней разными методами – от поддержки Капповского путча против республики и попытки поднять восстание в Силезии [25, S. 87; 26, S. 330] до легитимных методов, как то вступление в объединившую консерваторов всех мастей Немецкую национальную народную партию. Более того, с 1924 г. вплоть до роспуска партии в 1933 г. барон, со сложившимися к тому времени политическими взглядами пангерманца, был депутатом рейхстага. Помимо того, что в партии барон зарекомендовал себя знатоком России, критиком республики и «борцом против Версаля», он стал одним из трибунов её радикального, фёлькишеского крыла. К моменту своего избрания депутатом барон сочинил антисемитскую про-

грамму [27, S. 398], которая была направлена как на саму партию (фёлькишеское крыло ННП добивалось изгнания из партии евреев), так и на евреев Германии, которых радикалы считали врагами, предателями, подписавшими унижительные условия Версаля. По мнению М. Штолляйса, программа А. фон Фрайтаг-Лорингховена «своими требованиями предвосхитила Нюрнбергские расовые законы 1935 г. [6, с. 236]. В ней он утверждал, что Веймарское национальное собрание, собравшееся сразу после революции, являлось незаконным, так как сама революция противоречила праву, а, следовательно, конституция, принятая им, не имела правовой силы [27, S. 18–20].

Развивая такие мысли, барон способствовал внутреннему расколу своей партии, умеренное крыло которой предпочло сотрудничество с правительством. После серии внутрипартийных споров в 1928 г. партия избрала своим лидером одного из руководителей Пангерманского союза – депутата А. Гугенберга. При нём из партии были исключены евреи и «умеренные», как того добивался А. фон Фрайтаг-Лорингховен. Сам барон сохранил свой депутатский мандат до 1933 г., организовав и возглавив в этом же году процесс роспуска партии.

Барон А. фон Фрайтаг-Лорингховен оставил след в истории двух империй – Германской и Российской. На протяжении своей жизни он проявлял удивительную независимость и волю. Его характер отличался вспыльчивостью, что нередко становилось причиной конфликтов как в личной жизни, так и в профессиональной деятельности. Опыт жизни в России, где барон был представителем национального этнического меньшинства, сформировал его убеждённым монархистом и индивидуалистом, а немецкий идеализм и рационализм – конституционным монархистом. Однако в силу дворянского происхождения барон оставался сторонником аристократического меньшинства во главе с лучшими представителями высшего сословия. Фактически это напоминало «политику знати» Бисмарка с той лишь разницей, что статус «достойного» и «лучшего» представителя знати не должен был передаваться по наследству, а принадлежать тому, кто мыслит и действует категориями национальных интересов. Близость с пангерманцами, многие из которых были выходцами из высокообразованного и имущего среднего класса, казалась оправданной. Усовершенствовав свой собственный публицистический стиль, он в дальнейшем стал неплохим журналистом, курируя и направляя работу с общественным мнением в Пангерманском союзе и Немецкой национальной народной партии. Аналитический стиль изложения, лишённый сложных теоретических построений, сделал из него одного из самых читаемых и популярных политиков Веймарской Германии. Это было связано ещё и с тем, что А. фон Фрайтаг-Лорингховен никогда не занимал позицию стороннего наблюдателя. Он был учёным юристом-международником, экспертом по России,

опытным оратором и манипулятором, который научился лавировать, используя возможности российской и немецкой политической ситуации для собственной карьеры.

Ссылки

1. Дильтей В. Собрание сочинений в 6 т. / под ред. А. В. Михайлова и Н. С. Плотникова. Т. 1: Введение в науки о духе. Опыт полагания основ для изучения общества и истории / пер. с нем. под. ред. В. С. Малахова. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. 762 с.
2. Дильтей В. наброски к критике исторического разума // Вопросы философии. 1998. № 4. С. 135-152.
3. Ковалёва Н. В. Образ Советской России в немецкой правоконсервативной публицистике Веймарской республики: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1999. 170 с.
4. Красильникова Т. Е. Лига Наций и Веймарская Республика: тенденции развития отношений и политические противоречия: 1919-1933 гг.: дис. .. канд. ист. наук. М., 2006. 195 с. EDN NOBDNF
5. Кенен Г., Копелев Л. З. Германия и русская революция, 1917-1924 / пер. с нем. под ред. Я. С. Дробкина. М.: Памятники исторической мысли, 2004. Т. 1. 360 с. EDN QOWQDX
6. Штоллайс М. История публичного права в Германии: Веймарская республика и национал-социализм. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 663 с. EDN RRDYXH
7. Фрайтаг-Лорингховен А. Л. Вступление наследника в обязательства и права требования наследодателя по остзейскому праву. Юрьев: Типография К. Маттисена, 1905. 281 с.
8. Фрайтаг-Лорингховен А. Л. Материальное право проекта Вотчинного устава: в 2 т. Т. 1: Введение. Основные начала вотчинной системы. Право собственности и права в чужой недвижимости. Договоры найма и продажи леса на сруб. Юрьев: Типография К. Маттисена, 1914. 350 с.
9. Фрайтаг-Лорингховен А. Л. Завещательный залог. СПб: Типография товарищества «Общественная польза», 1914. 19 с.
10. Фрайтаг-Лорингховен А. Л. Право застройки и реальный кредит // Журнал Министерства Юстиции. Петроград, 1915. № 7 (сентябрь). С. 98-138.
11. Freytagh-Loringhoven A. Briefe an Herrn Otto von Sethe. Darmstadt, 1975. 193 S.
12. Валуев П. А. Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел: в 2 т. Т. 1: 1865-1876. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. 588 с.
13. Хэтч О. Россия. Введение (на основании её истории от войны с Японией до Мировой войны). М.: Содружество «Посев», 2021. 432 с.
14. Gahlings U. Hermann Graf Keyserling. Darmstadt: Liebig, 1996. 318 S.

15. Люббе Г. Право оставаться иным. К философии регионализма // Политическая философия в Германии: сб. ст. / под ред. Й. Изензее [и др.]. М.: Современные тетради, 2005. С. 53-61.
16. Лаар М., Валк Х., Вахтре Л. Очерки истории эстонского народа. Таллинн: Кооператив писателей Эстонии «Купар», 1992. 233 с.
17. Фрайтаг-Лорингховен Г. Полководческое искусство. М.: ОГИЗ; АСТ, 2019. 413 с.
18. Фрайтаг-Лорингховен Г. Война и политика в Новое время, 1648-1900. СПб: Евразия, 2021. 349 с.
19. Из рапорта начальника карательного отряда барона Ферзена морскому министру А. А. Бирилеву // Революция 1905-1907 гг. в Эстонии: сб. документов и материалов / сост.: В. А. Бойков, В. Г. Гусарова, Э. Г. Кауп [и др.]. Таллин: Эстгостиздат, 1955. С. 439-441.
20. Бердяев Н. А. Новое религиозное сознание и общественность. СПб: М. В. Пиროжков, 1907. 233 с.
21. Ланник Л. В. Весенний дивертисмент: к истории германо-эстонского альянса в 1918 г // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2020. № 1 (20). С. 26-27.
22. Ланник Л. В. Предисловие переводчика // Г. фон Фрайтаг-Лорингховен. Полководческое искусство. М.: ОГИЗ; АСТ, 2019. С. 5-20.
23. Lehmann M. Verleger J. F. Lehmann. Ein Leben im Kampf für Deutschland. Lebenslauf und Briefe. München: J. F. Lehmann's Verlag, 1935. 288 S.
24. Freytagh-Loringhoven A. Geschichte der russischen Revolution. München: J. F. Lehmann's Verlag, 1919. 211 S.
25. Lohalm U. Völkischer Radikalismus: die Geschichte des Deutschvölkischen Schutz- und Trutz-Bundes, 1919-1923. Hamburg: Leibniz-Verlag, 1970. 492 p.
26. Hofmeister B. Anwalt für die Diktatur. Heinrich Claß (1868-1953): Sozialisation - Weltanschauung - Alldeutsche Politik. Berlin; Boston: De Gruyter, 2024. 847 p.
27. Freytagh-Loringhoven A. Die Weimarer Verfassung in Lehre und Wirklichkeit. München: J. F. Lehmanns Verlag, 1924. 424 S.